

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 330.1

В. А. Ушанков

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Современные процессы специализации знания о хозяйственной жизни привели к образованию в экономической науке обширного конгломерата различных ее направлений и теорий, которые, в свою очередь, осложняются соподчиненными с ними прикладными и специальными дисциплинами. Такая обширная сфера экономического знания, сложившаяся сегодня в науке, порождает проблемы, касающиеся не только определения познавательных границ экономической науки, т. е. предмета ее научного исследования, но и вопросов хозяйственной практики.

Сложная структура сферы экономического знания оказывает негативное влияние на координацию усилий участников хозяйственного процесса. Так, вытекающие из различных теоретических посылок целевые установки субъектов хозяйствования и соответствующие им различия в критериях оценки результатов принятия хозяйственных решений лишают их возможности выработки согласованной экономической политики. Очевидно, что в отношении одного и того же явления или события позиция экономиста-теоретика, предлагающего описание и объяснение хозяйственных явлений, и позиция экономиста-практика, участвующего в разработке экономической политики или хозяйственно-правовых актов, принципиально различаются. Суть различий в их позициях — различная природа их знания. В одном случае используются абстрактные теоретические рассуждения, в другом — конкретные хозяйственные данные и сведения. Таким образом, вопрос структуры экономической науки может быть воспринят не только как вопрос ее истинности, но и как вопрос ее практической значимости.

Важнейшим вопросом, от решения которого зависит понимание структуры экономического знания, является вопрос о соотношении теории и практики. Вместе с тем при всей очевидности существования тесной взаимосвязи между теорией и практикой в сфере хозяйственного знания вопрос этот в экономической науке остается до конца невыясненным. Четкого ответа на вопрос о том, что есть теоретическое знание в экономической науке, где оно кончается и где начинается практическое хозяйственное знание, нет. А ведь

Вячеслав Анатольевич УШАНКОВ — канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории СПбГУ. Окончил Экономический факультет ЛГУ (1978) и аспирантуру (1990). С 1989 г. работает в ЛГУ. В 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию. Научные интересы — философские и методологические проблемы экономической теории. Автор более 30 научных работ.

© В. А. Ушанков, 2010

это первое, на что необходимо дать ответ, приступая к структуризации обширной сферы современного экономического знания.

Имеющиеся в литературе представления о взаимосвязи между теорией и практикой, как правило, выражаются так: «одно влияет на другое, и наоборот», или: «практика использует теоретические обобщения при решении своих задач, а теория использует фактические данные практики для своих теоретических обобщений». Такое представление о связи теории и практики оказывается упрощенным и совершенно недостаточным для решения вопроса о структуре экономического знания. Поэтому «стык экономической теории и практики все больше осознается как проблемное звено в системе экономического знания» [1, с. 5].

Теория и практика

Прежде всего, упрощенное представление о связи теории и практики в экономической науке игнорирует принципиальные различия, существующие между ними. Принятое в гносеологии принципиальное различие между теорией и практикой следует из понимания различий их природы. Отличительной особенностью знания, относимого к теоретическому, является выполнение им функции познания. Теория представляет собой иерархическую систему непротиворечивых понятий, которая в своей совокупности дает возможность абстрактного описания части действительности как некоего единого целого¹. Объединенные в систему обобщения, или понятия («единое о многом»), составляют понятийный язык, или «язык науки». Иными словами, теоретическое знание, в отличие от других форм познания (например, обыденного), не вытекает непосредственно из эмпирических наблюдений фактов действительности, а следует из выводов, полученных посредством системы понятий, находящихся в логической взаимосвязи друг с другом и составляющих ее научный язык.

Теория, описывая в понятиях познаваемую действительность, представляет собой форму рационального познания, а выработка непротиворечивой субординированной системы понятий составляет историю становления теоретического знания в любой науке. Напротив, суть практики, в отличие от рационального (теоретического) познания, состоит в ее нацеленности на осуществление изменений в процессе деятельности субъекта. Конечно, это не означает, что в ходе деятельности, реально изменяющей действительность (практики), не происходит накопления знания. Практическое знание в виде конкретных сведений и данных может накапливаться, обобщаться и передаваться, причем в различных формах (устных, письменных) и на различных носителях (бумажных, электронных), но суть его не меняется — это производство изменений в окружающей действительности.

Принципиальные отличия теории и практики обнаруживают себя в применяемом ими языке. При всей кажущейся схожести используемых в экономической теории и хозяйственной практике слов (товар, стоимость, цена и т. д.) они принадлежат к разным языкам и выражают различные сущности. В одном случае речь идет об абстрактных понятиях, точнее, категориях «языка науки», обезличенных и лишенных конкретности, в другом — о словах, обозначающих конкретные явления и события практической хозяйственной жизни. Различия эти принципиальны. За одними словами стоит абстрактное теоретическое знание, а за другими — чувственное, эмпирическое восприятие конкретных явлений и процессов.

Другой сложностью в описании преодоления разграничительной черты между теорией и практикой является то, что экономическая наука имеет историю своего развития, в которой выделяется вопрос изменяющихся взаимоотношений теории и практики.

Очевидно, что вопрос о соотношении теории и практики мог появиться лишь в момент собственно возникновения самого теоретического знания. Таким началом, заложившим теоретические основы исследования хозяйственной сферы жизнедеятельности человека и общества и, соответственно, породившим вопрос взаимоотношения теории и практики, стала классическая политическая экономия.

Классическая политическая экономия

Со становлением классической политической экономии появляется теоретическое знание, выражающее достижение рационального знания в осмыслении хозяйственной действительности. Теория предоставляет возможность проникнуть за внешнее многообразие окружающего мира, увидеть и сформулировать его законы и в этом смысле противопоставить рациональное знание эмпирическому.

Однако следует заметить, что классическая политическая экономия в ранний период своего развития не достигала еще того уровня научной рациональности, которому соответствовала бы сложившаяся понятийная система, способная в полноте выразить причинно-следственные связи и экономические законы хозяйствования. Аналитические исследования природы и причин богатства народов того времени чередовались с описательностью хозяйственных процессов, ориентированных на достижение прежде всего практического результата, и не приобрели еще самостоятельной ценности.

Выполняя функцию описания хозяйства, классическая политическая экономия в первую очередь решала практическую задачу — достижение богатства и благосостояния. Для ранних авторов, как пишет В. М. Штейн, была характерна «наивная непосредственность» — они расценивали «все теоретические конструкции по их практической пользе, которую можно из них извлечь» [2, с. 4]. А достижение и преумножение богатства кажется для них сокровенным смыслом экономической науки.

Но действенность экономической науки в практическом решении хозяйственных задач могла быть реализована лишь тогда, когда возникает взаимопонимание всех ее составных моментов², включая и обоюдное понимание аналитической и практической роли. Таким моментом единения в политической экономии было отношение к ней как к науке о государственном хозяйстве или народном хозяйстве. Это вполне соответствовало пониманию предмета классической политической экономии как науки о народном богатстве. По сути он отождествляется с экономической политикой, а политэкономия как наука о государственном хозяйстве и наука о народном богатстве представляется как политическая наука. «Политическая экономия рассматривается как *отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю* для того, чтобы обеспечить народу обильный доход или средства существования достаточные для общественных потребностей» [3, с. 10–11].

Для экономической науки в классический период ее развития характерным было состояние формальной неразделенности решаемых задач: описания законов производства и распределения (теория), а также одновременного решения вопросов их практической реализации (практика). Но классическая экономическая наука решала не только эти две «неразделенные задачи». Экономическая наука в силу своего общественного характера не могла быть отделена от задач, решаемых обществом. Она должна была способствовать решению задач по рационализации народного хозяйства со стороны субъекта управления (суверена или государственных органов).

Особенность экономической политики периода становления рыночной экономики заключалась в том, что она имела внешне независимый и в этом смысле субъективный

характер. Но суверенность экономической политики не означала ее полной оторванности от задач, решаемых экономической наукой. Вопросы «должного» в сфере хозяйствования «водят» в теоретическое знание опосредованно, идеологически, через политику государства. Политическая экономия лишь тогда становится наукой, когда утверждается на непоколебимых началах, когда принципы, служащие ее основанием, строго выводятся из общих неоспоримых фактов общественной жизни.

Идеология «естественного порядка вещей» и планомерность

«Внешним», нормативным обстоятельством, оказавшим воздействие на облик классической политической науки, стала идеология естественного порядка вещей. Политическая экономия для того времени, замечает В. М. Шторх, «есть наука естественных законов, определяющих благоденствие народов, т. е. их богатство и просвещение. Эти законы не суть произведения людей, а вытекают из природы вещей; *их не устанавливают, а находят*; к их открытию ведут анализ и наблюдение» [4, с. 9].

От физиократов до Маркса точка зрения, согласно которой действие экономических законов (будь то производственные отношения или принцип рационализации поведения хозяйствующего субъекта) не зависит от воли и сознания людей, стала непререкаемой догмой. А раз так, то свободная, ничем не ограниченная конкуренция между производителями — наилучший способ осуществления естественного порядка. Каждый хозяйствующий субъект, преследуя личные интересы, «невидимой рукой» направляется к результату, обеспечивающему общее благо для всех.

Но идеология естественного порядка вещей и его незыблемости определяет не только теоретическое содержание самой экономической науки, она формирует также и образ экономической политики как политики невмешательства в хозяйственный процесс. Если стихийная закономерность правит хозяйством и приводит к благодетельным результатам, то «*при таких условиях лучшая экономическая политика — это отсутствие всякой политики*» [2, с. 10].

Идеология «естественности», определившая незыблемость и неизменность социальных задач, решаемых экономической наукой, длительное время сохраняла в науке представление о том, что возникающее иногда влияние политики на экономическую науку есть лишь «досадное заблуждение», что поэтому необходимо ее очищать от различных «этических шлаков» [2, с. 4–5]. Подобная идеология сохранилась до настоящего времени.

Однако, по утверждению многих исследователей, развитие рыночного хозяйства приводит к тому, что наряду с идеологией «естественности» появляется другая, отличная от нее идеология. «Идеологический маятник», по словам В. М. Штейна, раскачивается от идеологии полного невмешательства государства в общественные отношения («ночной сторож») до идеологии рационального и планомерного общественного переустройства общества и народного хозяйства [2, с. 7]. О двух принципиальных идеологиях в проведении экономической политики по «рационализации» народного хозяйства пишет также и В. Ойкен. В индустриальной эпохе он выделяет две ее части: 1) продолжительный период «политики *laissez-faire*» и 2) последующий менее длительный период «политико-экономических экспериментов». Если суть проведения политики *laissez-faire* состоит в осуществлении «независимой от государства экономики» (названия которой — «молодой капитализм», «либеральный капитализм»), то суть экономической политики экспериментов — в отходе от принципа *laissez-faire* и проведении политики, ориентированной на создание монополий и стимулирование их деятельности [5, с. 111].

Появление идеологии планомерного вмешательства в экономику в экономической науке замечательно тем, что с ее возникновением происходят изменения не только

в содержании и границах рационализации народного хозяйства, но и в представлении о структуре ее частей. «Естественные» законы, управляющие человеческими поступками, перестают быть единственным центром научного исследования. Возрастает значение исследования процессов, находящихся вне этой стихийной «естественности». Экономическая политика вмешательства государства в хозяйственный процесс, решающая задачи его рационализации, воспринимается как необходимая и относительно самостоятельная часть экономической науки.

Теория и история

Особую роль в расширении границ политической экономии сыграли идеи исторической школы, они определили такую конфигурацию экономической науки, при которой теория «менных ценностей», развиваемая классиками, стала дополняться эмпирическими исследованиями.

Экономическая политика в историческом процессе развития общества становится решающим фактором рационализации его хозяйственной жизни. Основоположник исторической школы Ф. Лист выдвигает принцип, согласно которому богатство нации обеспечивается развитием производительных сил общественного труда. А развитие производительных сил рассматривается им как высшее задание для экономической политики. Важнейшим залогом развития производительных сил является не само по себе развитие богатства, а проведение экономической политики, которое обеспечивало бы его рост. *«Способность создавать богатство, — пишет Лист, — бесконечно важнее самого богатства»* [6, с. 123].

Суть исторической школы состоит в признании ограниченности абстрактного теоретического знания, сведении его к служебной, вспомогательной роли. Г. Шмоллер — лидер немецкой исторической школы, признавая приоритет аналитического пути экономического познания, исходил из того, что чистая теория непригодна для выявления причинно-следственных связей в конкретных хозяйственных явлениях. Чистая теория ограничена, ибо представляет собой лишь фиксацию законов, не учитывающих культурные обстоятельства хозяйственного развития, а потому она обязательно должна быть дополнена эмпирическими исследованиями. Более того, именно эмпирические, культурно-исторические исследования позволяют экономической науке быть истинной.

Идеи исторической школы в экономической науке, с одной стороны, означают отделение теоретической части науки от эмпирического (национального, исторического) исследования. Но, с другой стороны, этим был намечен процесс выделения и оформления в экономической науке отдельных ее частей — теории и практики. Впервые внешние по отношению к рациональному знанию положения (собственно экономическая политика) вводятся в область экономической науки. Здесь явно наблюдается расширительное понимание предмета экономической науки, позволяющее говорить о включении практики в сам предмет ее исследования.

Теория и экономический порядок

Необходимость учета исторического фактора и обстоятельств развития общественных производительных сил получила дальнейшее развитие в работах В. Ойкена. В отличие от исторической школы, В. Ойкен исходил из принципиальной важности именно теоретического способа познать экономическую действительность, ускользающую от непосредственного наблюдения, ведущегося при помощи обычных методов. Но, придерживаясь теоретического

подхода к экономической науке, В. Ойкен, по словам Автономова, «был также далек и от абстрактного, внеисторического теоретизирования, характерного для маргиналистов» [7, с. 6]. «Теория», развиваемая «понятийными экономистами», по словам Ойкена, и подлинное теоретическое изучение конкретных проблем не имеют друг с другом ничего общего [7, с. 41–42]. По Ойкену вначале следует не теоретическое установление общих моментов хозяйственных явлений, а осмысление конкретного реально существующего *хозяйственного порядка*, который единственно может быть объектом теоретического исследования. В отличие от немецкой исторической школы, у Ойкена теория развивается параллельно с историей. Одна из особенностей объединения («синтеза») теории и «исторического многообразия», или собственно практической реализации хозяйственной деятельности (политики), у Ойкена состоит в том, что такое объединение теории и практики не нарушает их «суверенности».

Именно мышление категориями экономического порядка привело Ойкена к своеобразному решению вопроса о соотношении теории и эмпирического исследования, заключающегося в синтезе исторического с рациональным теоретическим знанием в рамках экономического порядка. Принципиальная позиция автора в этом вопросе состояла в поиске «синтеза теоретической однородности и исторического многообразия в рамках экономического исследования». «Ойкен, — пишет Автономов, — намечает третий путь, сочетающий *теоретическое и эмпирическое исследование...*» [7, с. 6]. Суть этого пути состоит в осуществлении синтеза познания количественных зависимостей хозяйственного процесса в рамках определенного хозяйственного порядка. Только сочетание теоретического и исторического подходов обеспечивает истинно научное познание конкретных явлений и реальных взаимосвязей [7, с. 42–49].

Рассуждая соответственно логике экономического порядка, В. Ойкен отмечает ограниченность классической экономической науки, которая, по его словам, состояла в том, что она «искала за историческим многообразием существующих порядков один-единственный естественный порядок и нашла его в конкурентном порядке» [7, с. 39–40].

Позиция «теория — наука»

Оппонентом исторической школе в понимании места теоретической абстракции в экономической науке выступила австрийская школа. Признавая абстрактную, «чистую» науку как важнейший момент в познании сущности явлений хозяйственной жизни и получении истинного, строго научного знания, «теоретики» (маргиналисты) выносят другие отрасли экономического знания, в том числе и практическую, за рамки экономической науки. «В противовес исторической школе, для которой экономическая история была неотъемлемой и, по существу, основной частью политической экономии, у Менгера она вообще не включена в состав политической экономии» [1, с.16].

Идея естественности и утилитаризма как теоретическая основа была воспринята и развита неоклассическим направлением в науке. В центр внимания ставится позитивный анализ, а «должное», или нормативное, либо включается в теоретические рассуждения, либо выносится за рамки собственно экономической науки. Решение задач должного и сущего (нормативного и позитивного) разводится по самостоятельным независимым сферам жизнедеятельности человека и общества — экономики и политики. Следует лишь заметить, что, в отличие от классиков, определяющим в науке у неоклассиков становится ее практическая сторона. У теоретиков психологического направления — Маршалла и Бём-Баверка, как пишет В. М. Штейн, «экономическая теория следует за хозяйственной практикой» [2, с. 17–18].

Идеология естественного порядка вещей и его незыблемости в процессе обеспечения благосостояния человека и общества была воспринята и продолжена неоклассическим направлением в экономической науке. Эта воспринятая идеология стала методологической основой появления позиции «теория–наука». Суть этой позиции сводится к тому, что к науке относятся лишь сугубо теоретические рассуждения и исследования явлений и процессов, осуществляемые в соответствии с присущими ей методами обобщения и формализации (математической) знания. Теорию представляет особая область знания, выработка, накопление которого происходит в соответствии с принципами и по законам науки. Иначе говоря, теория представляет собой собственно научное знание — науку.

К сторонникам такого монистического подхода в понимании экономической науки относится автор «Экономикс». «Экономическая теория — есть наука», — пишет Пол Самуэлсон в своем знаменитом учебнике [8, с. 7]. Подобную позицию в понимании экономической науки можно встретить и у отечественных авторов. Например, «экономическая теория — это общественная наука, которая изучает экономические отношения...» [9, с. 10], или в другом месте: «экономическая теория — одна из древнейших наук» [10, с. 16]. Такое утверждение выносится даже в название главы учебника: «Экономическая теория как наука» [11, с. 21].

Теория и практика — две принципиальные части единой экономической науки

Сведение научного знания к единственной научной теории, или одному научному направлению, как это происходит в мейнстриме, вызывает возражения. Во-первых, в этом случае экономическая наука, представленная единственным теоретическим знанием, отвечающим за рациональное описание явлений и процессов в хозяйственной сфере, игнорирует возможность существования в науке иных научных теорий фундаментального характера. Во-вторых, в этой позиции теория, охватывающая все рациональное знание, противопоставляется «практике», которая к теоретическому, а следовательно, и к научному знанию не относится. Экономическая теория и практика оказываются хотя и тесно взаимосвязанными, но противостоящими друг другу как разные сферы жизнедеятельности человека. Теория есть теория, а практика есть практика.

Возражения против ограничения содержания экономической науки исключительно теорией или практикой (политикой) высказывали многие исследователи. Русский экономист-теоретик В. М. Штейн писал в свое время: «Методологическая утонченность и терминологическая точность, которые так культивируются современной наукой, дают ученому возможность провести резкую разграничительную линию между теорией и политикой». Но изучение истории экономических идей показывает, «что отчетливое противоположение теории и политики оказывается не очень-то плодотворным. Наиболее замечательные экономические системы представляют собой целостный органический синтез теоретических и политических построений» [2, с. 3].

За исключением ортодоксальных экономических идей в целом для экономической науки характерно представление о невозможности существования экономической теории отдельно от экономической политики, понимаемой как практика хозяйствования. В политической экономии имеется представление о том, что теория и политика хозяйствования представляют собой части единого познавательного и преобразовательного процесса. Согласно такой позиции, теория и практика сосуществуют как две взаимосвязанные части единой научной сферы знания о хозяйственной жизни человека и общества, каждая из которых «отвечает» за решение единой для них задачи — сохранение и успешное воспроизводство всего общества, взятого в целом. Задачи экономической науки могут

формулироваться по-разному, но остается важным понимание того, что они должны быть восприняты как единые для всех составляющих экономического знания — как для рассудительной (теории), так и практической ее части.

Такая постановка вопроса не снимает, а напротив, подтверждает необходимость решения вопроса о механизме преодоления линии водораздела между этими двумя принципиальными частями единой экономической науки. Проблема здесь сводится к преодолению различий, существующих между знанием, выраженным в абстрактной форме следующего из понятийной системы теоретического знания, и сферой эмпирического знания, непосредственно направленного на преобразование хозяйственной жизни.

Структура экономической науки по М. И. Туган-Барановскому

Одним из примеров решения проблемы взаимосвязи теории и практики как двух частей единого научного знания может служить структура экономической науки, предложенная М. И. Туган-Барановским.

В основе его структуры обнаруживается аристотелевский принцип функционального разделения единой области знания в соответствии с целевым предназначением той или иной деятельности человека. Аристотель — один из первых, кто в своей классификации знания стал различать деятельность, функция которой сводится к познанию и объяснению познаваемого объекта (теоретическая деятельность), и деятельность, целью которой является «производство изменений» (практика). Теория и практика как части единого научного познавательного процесса принципиально различаются по своим смыслам. Одна ее часть выполняет функцию познания хозяйственной действительности, другая, практическая ее часть, связана с преобразовательной хозяйственной деятельностью.

Следуя аристотелевскому функционально-целевому принципу деления отраслей знания, М. И. Туган-Барановский выделяет в политической экономии две ее принципиальные части — практическую и теоретическую. «Политическая экономия, — пишет М. И. Туган-Барановский, — распадается, прежде всего, на теоретическую и практическую экономическую науку». К теоретическому знанию в экономической науке он относит знание, особенностью которого является выполнение функции познания и описания. В свою очередь, сама теоретическая политическая экономия, отмечает Туган-Барановский, подразделяется на абстрактную и конкретную [12, с. 33].

Таким образом, *теоретической экономической науке* (как абстрактной, так и конкретной ее частям, взятым вместе), противостоит *практическая наука*. К практической науке относится знание, имеющее целью производства изменений (практика). Практическая наука как часть единой экономической науки, призванная решать задачи «должного», необходимого в конкретной хозяйственной жизни (практики), у Туган-Барановского получает название экономической политики [7, с. 34] (рисунки).

Приведенная М. И. Туган-Барановским логическая структура экономической науки, состоящая из трех частей — абстрактной, конкретной и практической, замечательна тем,

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА		
Теоретическая наука		Практическая наука
Абстрактная часть	Конкретная часть	Экономическая политика

Модель структуры экономической науки по М. И. Туган-Барановскому.

что показывает один из возможных вариантов решения проблемы взаимосвязи теории и практики. Каждая из названных частей, выполняя свою особую функцию, обеспечивает тем самым единый научный процесс в экономической науке.

Абстрактная часть «теоретической науки»

Абстрактную часть теоретической науки представляет система непротиворечивых понятий и категорий, призванных дать рациональное описание объекта познаваемой действительности, каким в экономической науке является хозяйство, или хозяйственная жизнь человека. Она, собственно, выступает теоретическим фундаментом научного представления об исследуемом объекте, определяется системой категорий, принципов и аксиоматических предпосылок (например, ограниченность ресурсов, максимизация полезности, труд как источник богатства и т. д.) и, что очень важно, своим предметом научного исследования.

Продолжающееся до сих пор сосуществование в экономической науке различных «научных языков» и предметов научного исследования позволяет говорить о наличии в ней экономической науке нескольких фундаментальных теорий. Чаще всего в литературе к таким теориям относят «политическую экономию» и «неоклассический анализ». Имеются и другие точки зрения на структуру фундаментального экономического знания, представляющего современную экономическую науку, но здесь важно лишь подчеркнуть существование принципа, согласно которому экономическая наука может состоять из нескольких фундаментальных теорий, каждая из которых по-своему, исходя из своих посылок и своего предмета исследования, дает описание хозяйства.

Фундаментальная теория, представляя «чистую» экономическую науку, по своему функциональному назначению не предназначена для выработки конкретных практических решений в хозяйственной сфере. Задача абстрактной части экономической науки как фундамента научной теории сводится к предоставлению ею своего категориального «языка науки» для описания «общих типов хозяйственных явлений» в их идеальном виде, принципов истолкования наблюдаемых явлений. Так, например, механизм взаимодействия спроса и предложения, служащий определению цены в неоклассической теории, на самом деле есть лишь абстрактная модель, представляющая «чистую» экономическую теорию, которая не может использоваться в практике хозяйствования непосредственно при принятии хозяйственных решений. Подтверждением правильности такого суждения служат исследования, которые показывают отсутствие эмпирического подтверждения кривых спроса и предложения [13].

В свою очередь, сама практика хозяйствования не в состоянии воспринимать и непосредственно использовать абстрактные, т. е. отвлеченные от действительности, рассуждения и положения, следующие из «чистой» теории. Решать вопросы конкретного преобразования в хозяйственной сфере и достигать конкретных результатов по своему функциональному назначению призвана практическая часть экономической науки.

Конкретная часть «теоретической политической экономии»

Из структуры, предложенной Туган-Барановским, следует, что хотя экономическая наука и состоит из двух принципиальных разделов — теоретического и практического, но на самом деле линия водораздела между ними пролегает между конкретной частью теоретической науки и экономической политикой. Иными словами, связь между теорией и практикой осуществляет конкретная часть экономической науки.

Оставаясь, по сути, теоретическим знанием, конкретная часть науки не выполняет собственно практических задач. Ее предназначение заключается лишь в «теоретической» подготовке практических решений. Не выходя за рамки теоретической науки, ее конкретная часть «ставит своей целью описание, классификацию и объяснение конкретных типов народ-но-хозяйственных явлений» [12, с. 33].

Конкретную часть теоретической науки, непосредственно примыкающей к практике хозяйствования, представляют прикладные (прикладные к теории) дисциплины. Прикладные дисциплины как конкретная часть теоретической науки, основываясь на теоретических положениях абстрактного знания, дают описание действия фундаментальных законов в специальных конкретных областях знания. В структуру прикладного экономического знания входят *отраслевые научные дисциплины*, различающиеся между собой по отраслям исследования: сельское хозяйство, промышленность, торговля и т. д. Другим структурным подразделением прикладного знания могут быть дисциплины *объектной* специализации — рынок, отраслевые рынки, международный рынок и т. д. В учебном процессе эти прикладные дисциплины получают названия — маркетинг, теория отраслевых рынков, природопользование, международная торговля и т. д. Они остаются научными, поскольку в своих основных положениях исходят из соответствующей фундаментальной теории. Использование ими специальной (отраслевой) терминологии не противоречит, а напротив, продолжает и развивает понятийный аппарат фундаментального научного знания.

Использование в рамках прикладной научной дисциплины абстрактных суждений типа «цена определяется взаимодействием спроса и предложения» находится еще в рамках познавательных и объяснительных задач. Но для практики хозяйствования, например в ценовой политике конкретной фирмы, этого утверждения уже недостаточно. «Теоретические основы ценообразования являются частью микроэкономики — академической науки, большинство предпосылок, допущений, положений и моделей которой или не отражают всех красок реальной действительности, в которой функционируют предприятия, или трудновыполнимы, а нередко и вообще невыполнимы на практике. По этой причине микроэкономическая теория имеет ряд ограничений при практическом применении» [14, с. 10]. Конкретная цена формируется под воздействием огромного количества разнородных рыночных и нерыночных обстоятельств, действующих на различных уровнях экономики. Знание и использование или неиспользование их в конкретном процессе ценообразования означает уже выход за рамки сугубо теоретических задач. Реализация ценовой политики — это уже практика, т. е. действия, связанные с достижением хозяйственного результата. Прикладные дисциплины лишь способствуют его достижению.

Таким образом, прикладные дисциплины, конкретизируя основные положения фундаментального теоретического знания в специальных терминах, адаптируют абстрактные положения «чистой» науки к восприятию и применению их практикой. Они создают условия для использования абстрактного знания уже в другой сфере, не относящейся к теории, сфере преобразования, изменений в практике хозяйствования и достижения конечного хозяйственного результата. *Таким образом, момент преодоления водораздела между теорией и практикой происходит в момент применения знания, следующего из конкретных отраслей экономического знания.*

Практическая наука, или экономическая политика

В структуре экономической науки Туган-Барановского теоретической науке противостоит практическая наука, обозначаемая им как экономическая политика. Экономическая политика как практическая часть экономической науки принципиально отличается от ее

теоретической части своим функциональным назначением. Она призвана не объяснять то, что есть, а обеспечивать достижение конкретного результата в преобразовательной деятельности (практике хозяйствования)³.

Принципиальная особенность практической деятельности состоит в том, что она осуществляется хозяйствующим субъектом. А это означает, что сознательный практикующий субъект в принципе может не руководствоваться в своей деятельности знанием, вытекающим из общих положений чистой науки (теории). Более того, действия практикующего хозяйственника могут не соответствовать также и рекомендациям, следующим из конкретного прикладного знания. Конечно, вероятнее всего, хозяйствующий субъект, преследуя достижение практического результата своей деятельности, что является одним из условий его воспроизводства в дальнейшем, будет руководствоваться знанием, выражаемым в навыках и приемах, полученных эмпирическим путем, т. е. поступать в соответствии со «здравым смыслом», а также будет использовать доступные ему знания прикладных дисциплин. Тем не менее практика хозяйствования имеет субъективистскую природу. Действия хозяйствующего субъекта зависят от многих обстоятельств, которые могут и не следовать из теоретической («экономической») логики.

Обозначая экономическую политику как практическую часть экономической науки, Туган-Барановский расширяет ее границы, вводя в науку сознательную деятельность хозяйствующего субъекта. Но, говоря о структуре экономической науки, следует с самого начала подчеркнуть, что в этом случае речь идет о политике не как субъективной деятельности по принятию решений внутри отдельного хозяйственного процесса (экономическая политика предприятия). Речь идет о деятельности субъекта, имеющего возможность «рационализировать народное хозяйство», т. е. об экономической политике, соотносимой с экономической теорией. Экономическая политика здесь рассматривается как форма выражения практики хозяйствования (рационализации) в рамках всего народного хозяйства, т. е. представляет собой парную категорию понятию «теория».

Экономическая политика — нормативный элемент экономической науки

Экономическая политика, или принятие решений по рационализации всего народного хозяйства, отвечает за знание и обеспечение того, «что должно быть». Будучи выразителем необходимого результата преобразовательной деятельности, экономическая политика вводит в экономическую науку нормативный элемент. В этом своем качестве она предстает как метод достижения поставленных обществом хозяйственных целей («должного»). Центром формирования экономической политики выступают не «объективные» законы, следующие из рационального, теоретического знания и действующие с железной необходимостью естественных законов, а нормы (формальные и неформальные), следующие из различных неэкономических обстоятельств. Нормативный элемент, или некий неэкономический центр влияния на экономическую науку, — это, прежде всего, формальные (право) и неформальные (этика и идеология групп) нормы.

В связи с введением нормативного элемента в экономическую науку возникает вполне резонный вопрос: а возможно ли научное познание экономической действительности, если на него оказывается влияние со стороны правовых традиций, мнений и идеологий, продиктованных определенными интересами? На этот вопрос Туган-Барановский дает достаточно определенный ответ. То обстоятельство, что для выработки экономической политики привлекается «этический момент», не меняет научного статуса экономической науки в целом, «но лишь в том случае, если в научном рассуждении строго различаются области сущего и должного»⁴.

В заключение следует сказать, что модель структуры экономической науки, предложенная Туган-Барановским в начале XX в., имеет свои достоинства. Она обладает достаточной универсальностью, что позволяет логически отразить сложную структуру обширной сферы экономического знания. Изложенная модель позволяет сделать вывод о том, что современное экономическое знание (наука) больше походит на некую сложную, иерархически выстроенную структуру теоретического знания, состоящего из ряда теорий различного уровня соподчинения. Не теория составляет научное знание, а, напротив, различные теории составляют экономическую науку. Но в науку также входит экономическая политика, которая противостоит, но соответствует теории, оказывает на нее воздействие, равно как теория может оказывать влияние на содержание экономической политики. Таким образом, экономическая наука, согласно этой модели, может быть представлена как живой развивающийся организм, отражающий различные актуальные явления теоретической и практической жизни общества.

¹ В греческом языке слово «теория» (*teōria*) дословно означает «боговидение». У древних греков было понимание того, что существует форма познания, позволяющая видеть неочевидное («не-оче-видное»), т. е. что видеть практически нельзя, у них это был бог (*thea*).

² Политэкономия «показывает, как богатства производятся, распределяются и потребляются в обществе» [15, с. 235].

³ «Практическая экономическая наука» потому считается таковой, что ставит своей задачей достижение практических результатов [16, с. 53].

⁴ «Привлечение этического момента не подрывает объективного значения экономической теории, ибо этот элемент занимает в экономической теории лишь строго определенное место. Идеальные и объективные элементы могут идти рядом в экономической теории, но, однако, так, чтобы всегда было ясно различие природы тех или других — подобно тому, как вода и масло в одном сосуде не смешиваются друг с другом, хотя и находятся в непосредственном соседстве» [12, с. 34–35].

1. Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / Ин-т экономики РАН. М.: Наука, 2008.

2. Штейн В. М. Экономическая политика. Экономика. Вып. IX. СПб.: Право, 1922.

3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 2. Введение к IV книге. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935.

4. Шторх Г. Курс политической экономии. Т.1 / Под ред. И. В. Вернадского. СПб., 1881.

5. Ойкен В. Основные принципы экономической политики / Пер. с нем. Под ред. Л. И. Цедилина и К. Херрманн-Пиллата. Вступ. сл. О. Р. Лациса. М.: Прогресс, 1995.

6. Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005.

7. Ойкен В. Основы национальной экономики / Пер. с нем. Под ред. В. С. Автономова, В. П. Гутника, К. Херрманн-Пиллата. М.: Экономика, 1996.

8. Самуэльсон П. Экономика. Т. 1. М.: НПО ВНИИСИ, 1992.

9. Экономическая теория: учебник / А. И. Амосов, А. И. Архипов, А. К. Большаков; Под ред. А. И. Архипова, С. С. Ильина. М.: Проспект, 2006.

10. Экономическая теория. Микроэкономика — 1, 2: учебник / Под ред. Г. П. Журавлевой. 2-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2005.

11. Экономическая теория: учебник / В. Я. Йохин. М.: Экономистъ, 2004.

12. Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. СПб., 1911.

13. Эйхнер А. Теория капитала и экономического роста: учеб. пособие / Под ред. С. С. Дзарасова. М.: Изд-во МГУ, 2004. Гл. 14. С. 341–366.

14. Тарасевич В. М. Ценовая политика предприятия: учебник для вузов. 3-е изд. СПб.: Питер, 2010.

15. Сей Ж-Б. Катехизис политической экономии. СПб., 1833.

16. Пешехонов В. А. Введение в политическую экономию: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.

Статья поступила в редакцию 6 мая 2010 г.